

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4561.

Воскресенье, 7-го марта 1899 г.

№ 4561.

РАЗСКАЗЫ.

Henry Greville.

I.

МАЛИНА.

Окончаніе *).

Жюльенна никогда не слышала у него такого голоса, и онъ отозвался въ самой глубинѣ ея сердца.

— Жюльенна, матушка ваша дала мнѣ право спросить васъ..

Безъ сомнѣнія онъ волновался. Онъ поставилъ тарелку на землю, дѣвушка взяла ее и быстро стала двигать ножницами, малина и спѣлая, и совсѣмъ зеленая стала падать на тарелку.

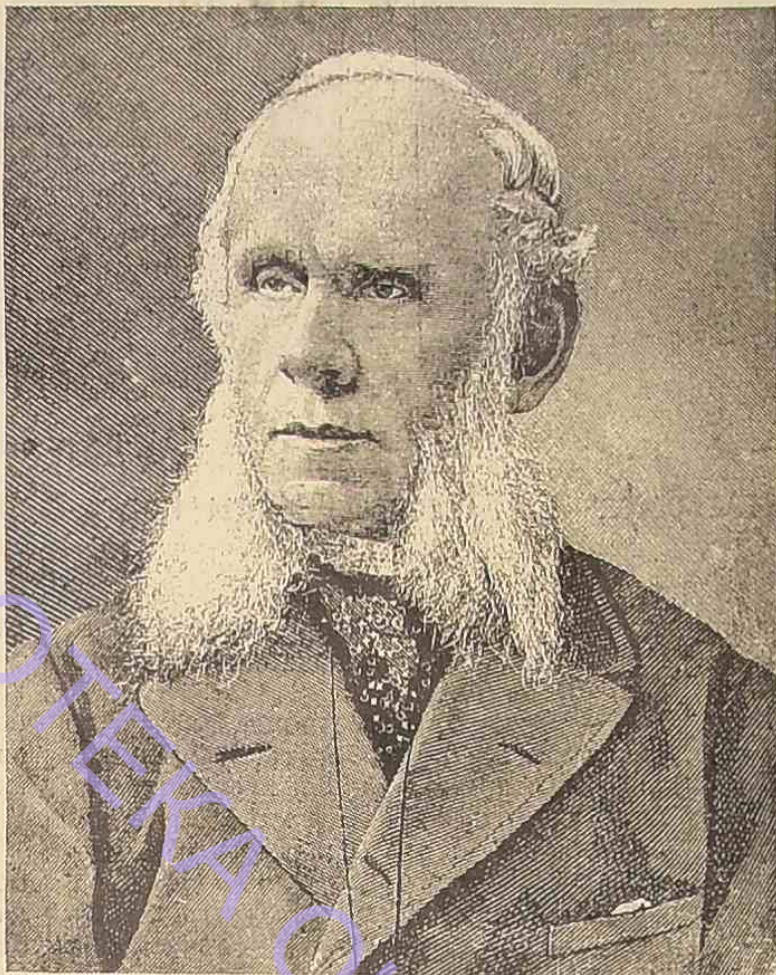
— Если вы согласны, — снова началъ молодой человѣкъ, у насъ будетъ маленькій домикъ на опушкѣ дѣса, какъ вотъ этотъ, только немного меньше.

Жюльенна улыбнулась, не подымая глазъ. Она сама только что думала это самое.

— Вы будете цѣлый день одна, но въ шесть часовъ я буду возвращаться и... и будемъ такъ счастливы, Жюльенна, если только вы захотите быть моею женой.

Она ничего не отвѣчала. Онъ

*) „Од. Нов.“ № 4555.

Е. Е. Стааль, русскій посолъ въ Лондонѣ, представитель Россіи на «конференціи мира» въ Гаагѣ.

взялъ ее за руку, державшую ножницы.

— Скажите, вы согласны? — тихо спросилъ онъ.

Его голосъ сталъ тверже, теперь волновалась Жюльенна. По дорожкѣ раздались новые шаги. Дѣвушка освободила свою руку и стала быстро-быстро перерѣзывать стебельки.

— Жюльенна, что ты дѣлаешь, ты срѣзываешь цвѣты, а не ягоды, — сказала мать.

— О, мама, — воскликнула смущенная дѣвушка, выпуская изъ рукъ и тарелку и ножницы. Она бросилась къ матери и спрятала свое лицо у нея на груди; мать нѣжно гладила ея волосы.

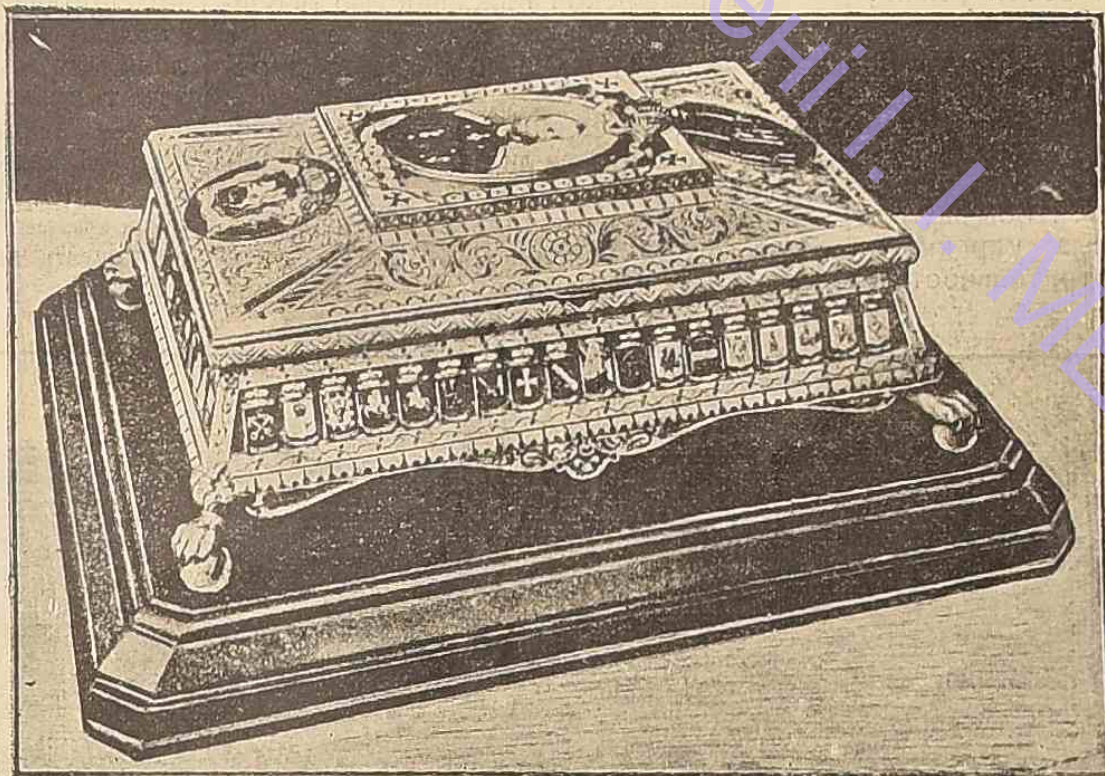
— Марсель, я думаю, что она согласна, — сказала добрая женщина, улыбаясь.

II.

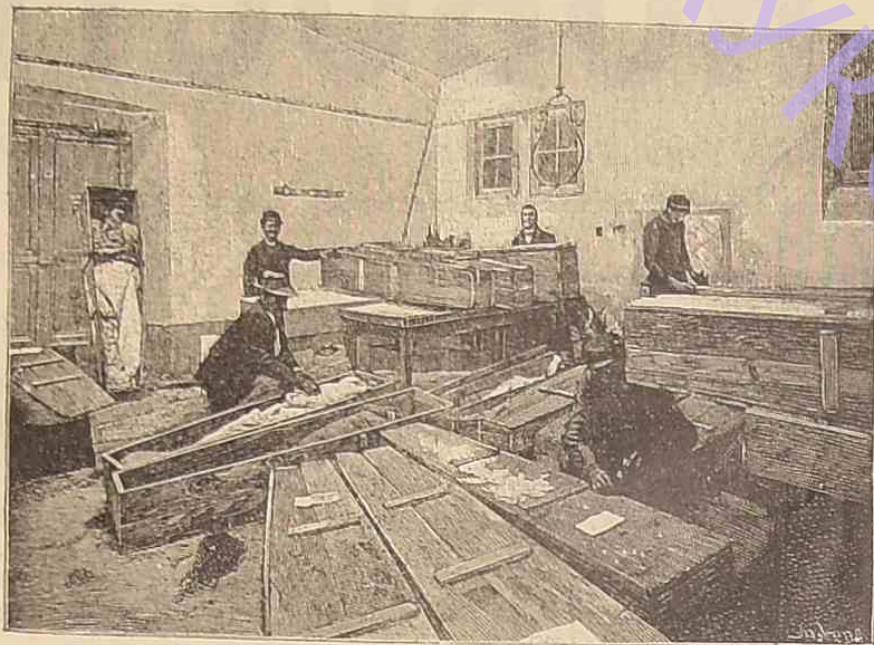
ОРЪХИ.

Прямая аллея, окаймленная зелеными деревьями, переплетающимися своими вѣтвями, тянулась далеко-далеко и заканчивалась ровной нивой, спѣлые колосья которой отливали золотомъ.

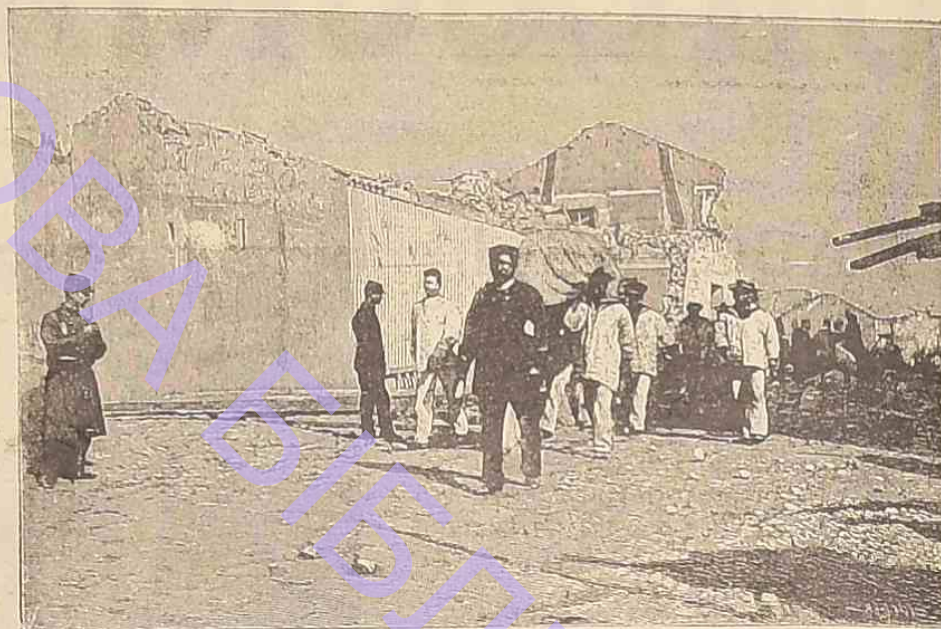
Мѣстами листва тѣнистой аллеи не была ужъ слишкомъ густа и солнечные лучи врывались черезъ нее и скользили то по верхушкамъ деревьевъ, то спускались

Ларецъ, заключающій въ себѣ Городовое Положеніе 1872 г., поднесенный московскому городскому головѣ отъ всѣхъ городскихъ головъ, присутствовавшихъ въ Москвѣ на открытіи памятника Императору Александру II.

Гробы для убитыхъ.

Перенесеніе убитыхъ и раненыхъ.

Катастрофа въ Тулонѣ.—Виды послѣ взрыва.

ниже, повинувшись легкому вѣтерку, производившему таинственное шуршанье листьевъ.

Они шли вдвоемъ, медленными шагами, она, опираясь на высокую и довольно массивную ручку зонтика, онъ, держась еще прямо и бодро, заложивъ руки за спину. Ея волосы были покрыты кружевной косынкой, изъ-подъ которой выбивались серебристыя, выщипанная пряди, онъ въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, одинъ видъ которой говорилъ о знойномъ лѣтѣ.

Очевидно, они дулись другъ на друга, такъ какъ шли молча, не смотря одинъ на другого, если-же случайно ихъ взгляды и встрѣчались, то лишь полные взаимныхъ упрековъ.

Пройдя такимъ образомъ половину аллеи, они нѣсколько приблизились другъ къ другу и, сбѣжавъ надъ собой усиліе, заговорили.

— Такъ это, значить, рѣшено, — сказала она тихимъ голосомъ, въ которомъ еще слышался остатокъ гнѣва, — вы хотите сбѣгать несчастнымъ бѣднаго ребенка?

— Напротивъ, я хочу, чтобы внучка наша никогда-бы не могла упрекнуть меня, что я своею неосмотрительностью

былъ причиной ея несчастья.

Она пожала плечами, но лишь слегка, какъ старая благовоспитанная дама, какою она и была.

— Оттого, что юноша, котораго она любитъ, менѣе богатъ, чѣмъ она... хорошее основаніе! Они всегда могутъ быть увѣрены въ кусокъ хлѣба...

— Но не въ маслѣ къ хлѣбу, — замѣтилъ дѣдушка.

— Когда любить другъ друга, хлѣбъ закусываютъ пощелками, — отвѣчала она съ чуть замѣтной улыбкой.

Онъ ничего не сказалъ на это. Она сбѣжала еще нѣсколько шаговъ, смотря то на право, то на лѣво, затѣмъ остановилась около одного изъ деревьевъ.

— Взгляните, другъ мой, — сказала она, — мнѣ кажется, что я вижу вонъ тамъ орѣхи.

Съ рыцарской вѣжливостью дѣдушка подошелъ, приложилъ къ глазамъ лорнетъ и, внимательно оглядѣвъ дерево, сказалъ:

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это орѣхи. — Не сорвете-ли вы мнѣ ихъ, мой другъ?

Дѣдушка взглянулъ на бабушку съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ ни одинъ изъ

нихъ не находилъ ужъ болѣе удовольствія въ орѣхахъ.

Тѣмъ не менѣе онъ зашпиль крючкомъ своей палки вѣтку и притянулъ ее къ своей женѣ; она осторожно сорвала полуспѣлые орѣхи и, соединивъ ихъ въ букетъ, приколотила къ корсажу.

— Вы не помните? — спросила она.

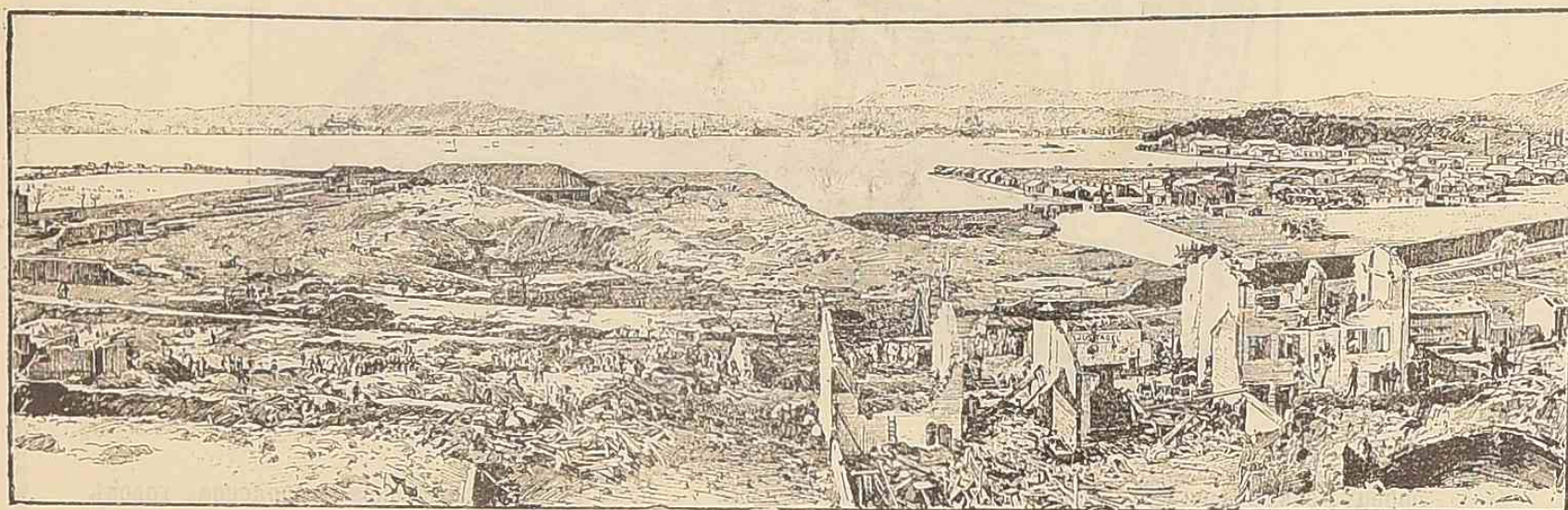
Солнечный лучъ, пронизавъ листву, освѣтилъ какимъ-то особымъ свѣтомъ лицо дѣдушки, или, быть можетъ, то освѣтило его явившееся воспоминаніе? Сѣрые глаза бабушки съ безпокойной настойчивостью смотрѣли въ его глаза.

— Я была здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, помните, и обрывала низкія вѣтви въ то время, какъ вы пришли...

Вы стали мнѣ помогать, мой другъ, и по мѣрѣ того, какъ орѣхи падали въ мой передникъ, ваши глаза становились краснорѣчивѣе; послѣдній-же букетъ, сколько мнѣ помнится, вы сами пришили мнѣ къ корсажу, какъ сбѣжала я это теперь.

— Жена моя дорогая! — пробормоталъ дѣдушка.

Онъ помнилъ все хорошо, но какую-же роль должны играть эти орѣхи въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ замужество ихъ единственной внучки?

Катастрофа въ Тулонѣ.—Общій видъ мѣстности послѣ взрыва.

Бабушка взяла его за петлицу.

— Это то самое дерево, — сказала она, — вѣдь это старое дерево, на которомъ такъ много было орѣховъ въ томъ году, когда...

— Знаю, знаю, — сказала дѣдушка, стараясь освободиться, но она крѣпко держала его.

— И вы сказали мнѣ при этомъ? „Маделинетта, если сами родители не согласятся на нашъ бракъ, я пушу себѣ пулю въ лобъ“.

— И насъ женили, и мы счастливы вотъ уже тридцать семь лѣтъ, — продолжалъ дѣдушка.

— И мы не были богаты, — закончила бабушка. — Потому уже мы составили себѣ состояніе... Дѣти устроятъ свою жизнь... Помните?

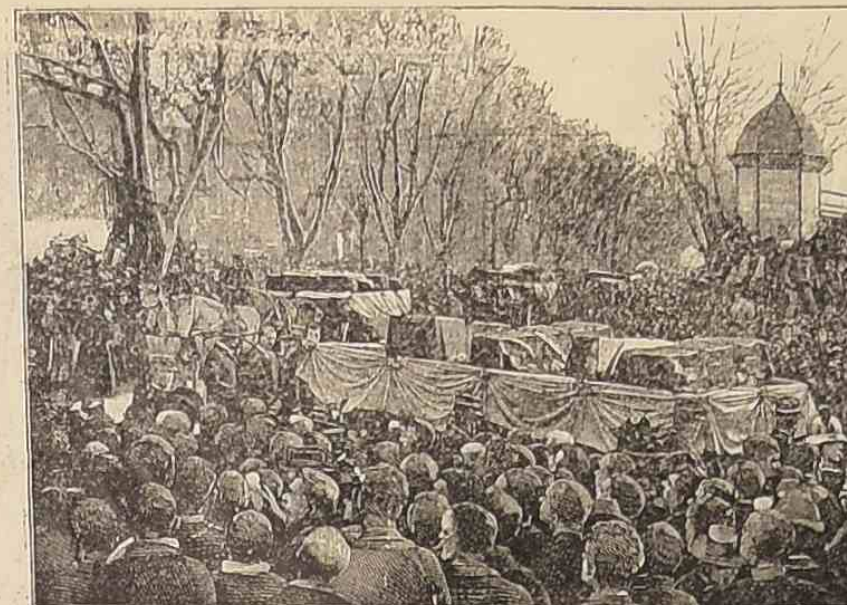
Они не сказали болѣе ни слова и пошли подъ руку дальше къ золотистой полянѣ, освѣщенной солнцемъ.

Тамъ они снова заговорили. — Надо будетъ немного поприжаться, — сказала дѣдушка, — чтобы увеличить приданое.

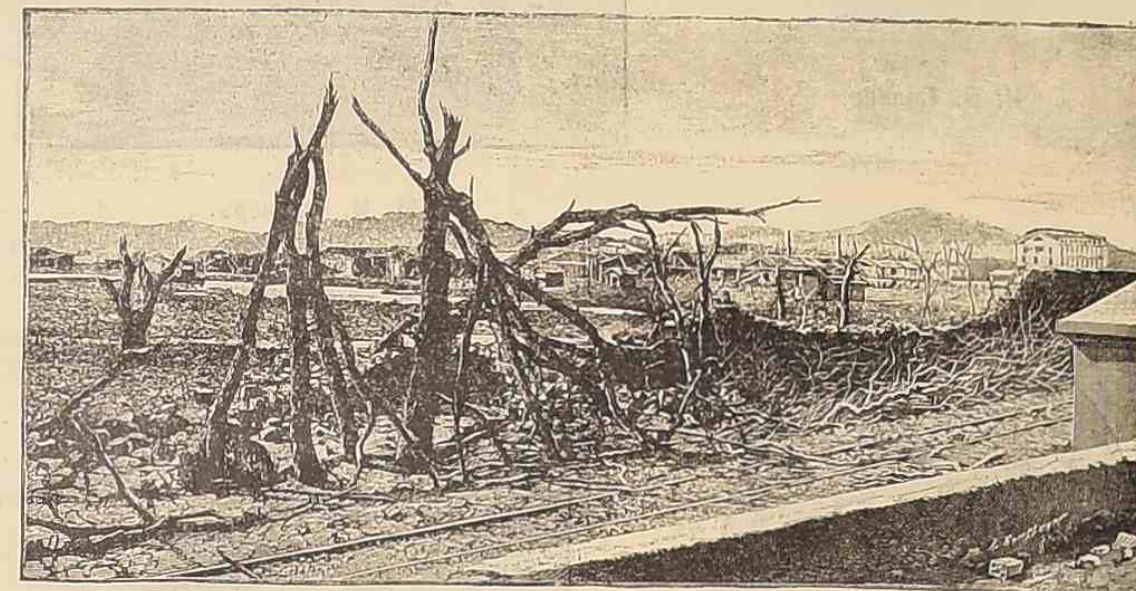
— Отлично, — сказала бабушка, — это доставитъ намъ только удовольствіе.

— И такимъ образомъ къ куску хлѣба, бѣдныя дѣтки будутъ имѣть немного и масла...

— А пока они молоды, — заключила, улыбаясь, бабушка, — у нихъ будутъ и орѣхи!

Послѣдныя жертвы катастрофы.

Деревья вблизи пороховаго склада № 1.

Звакий обѣдъ.

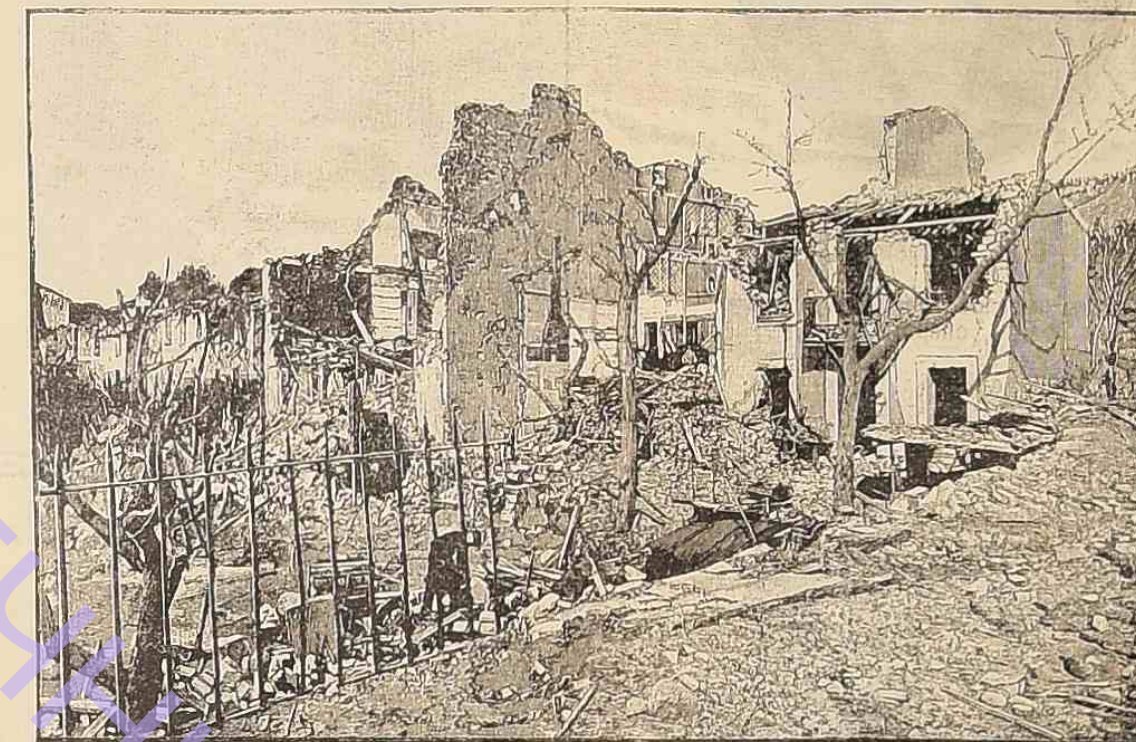
А. Килланда.

Въ элегантной квартирѣ холостяка на улицѣ Кастильенъ веселое общество сидѣло за десертомъ.

Сеньоръ Дусозе Франческо де-Сильвисъ былъ низенькій, черныи, какъ смоль, португалецъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые, наживъ въ Бразиліи колоссальное состояніе, прѣзжаютъ изъ-за океана въ Парижъ вести бурную жизнь и прежде всего обращаютъ на себя всеобщее вниманіе своими экстраординарными знакомствами.

Врядъ-ли можно было указать хоть одного изъ находившихся въ столовой гостей, который бы зналъ своихъ сосѣдей, съ правой и лѣвой стороны, не говоря, конечно, о тѣхъ, которые явились парочками. Хозяинъ былъ знакомъ съ ними или по какому-нибудь балу, или табльдоту, или по встрѣчамъ на улицѣ.

Сеньоръ де-Сильвисъ, куда ни приходилъ, вездѣ громко сѣялся и говорилъ, какъ это подобаетъ богатому иностранцу и такъ какъ попасть въ члены жюкей-клуба ему не удавалось, то онъ собиралъ вокругъ себя все, что ни попадалось; при первомъ же знакомствѣ освѣдомлялся объ адресѣ и на слѣдующій день посылалъ приглашеніе на скромный обѣдъ.

Группа домовъ въ дер. Лагубраѣ.

КАТАСТРОФА ВЪ ТУЛОНѢ.

Н. В. Салина.

М. И. Фигнеръ.

Солисты Его Величества.

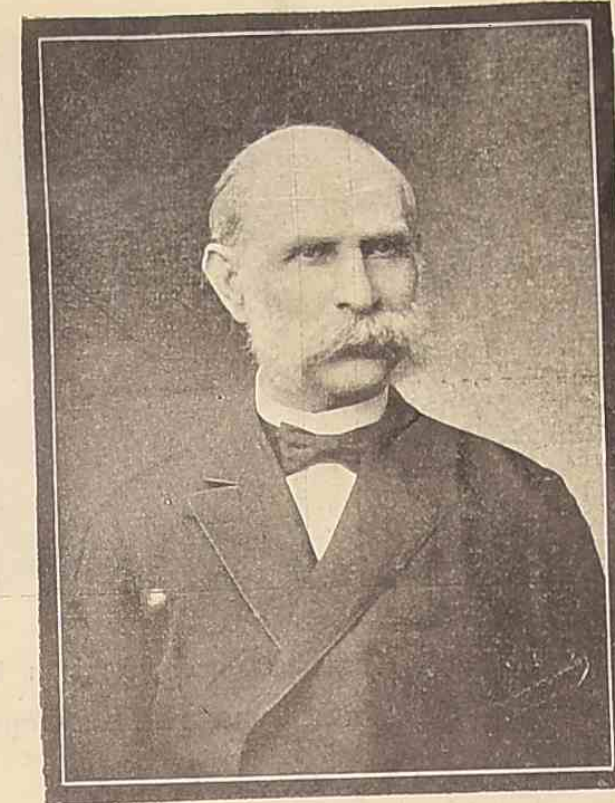

Н. Н. Фигнеръ.

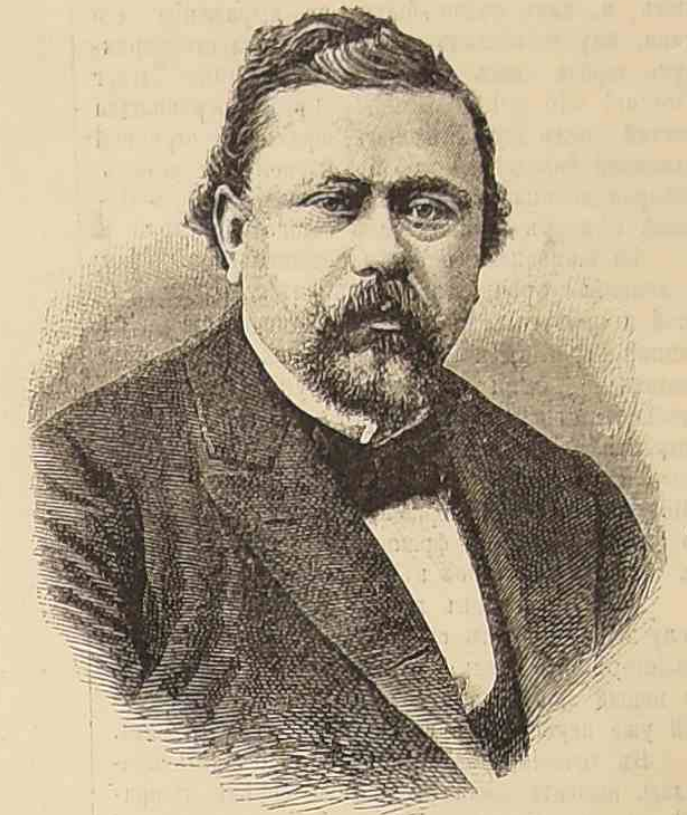
(Съ фот. Я. Тираспольскаго въ Одессѣ).

С. Г. Власовъ

Н. X. Палаузовъ, основатель и председатель болгарскаго настоятельства въ Одессѣ + 2 марта 1899 г.

Арманъ Фалльеръ, новый президентъ французскаго сената.

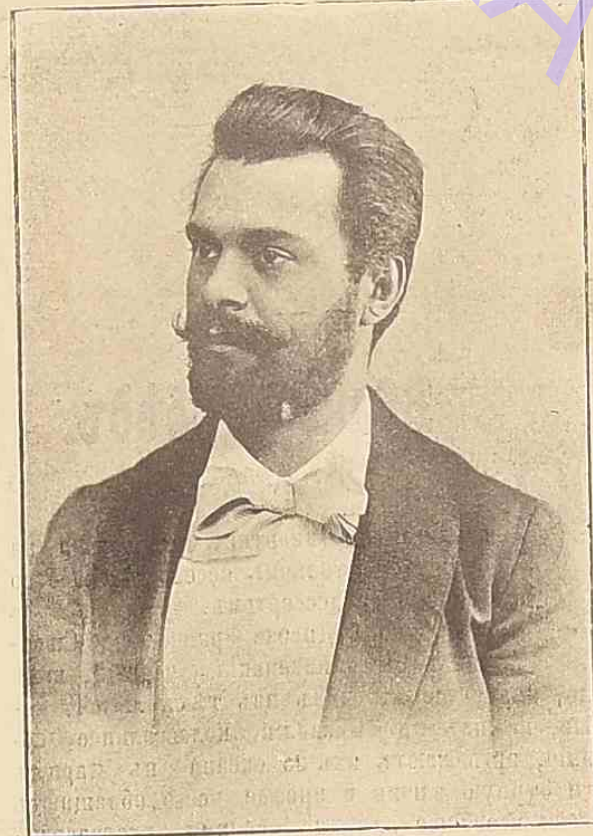

С. Е. Трезвинскій.

Артисты московской Императорской оперы.

Г-жа Азерская, артистка Императорской московской оперы.

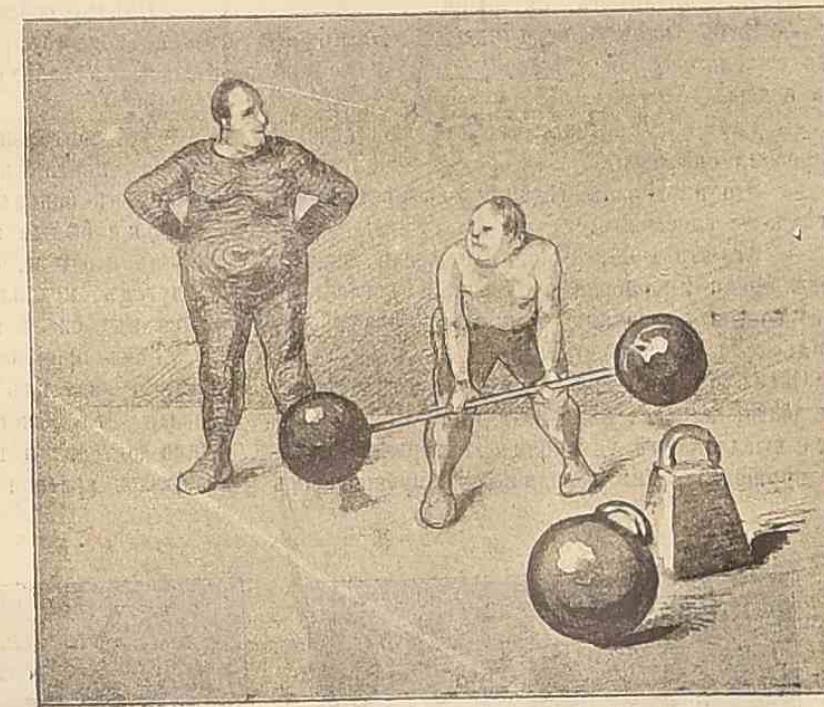

И. Н. Супруненко, артистъ Императорской московской оперы.

И. К. Гончаровъ.

Артисты московской Императорской оперы.

Маскарадъ въ Маринскомъ театрѣ въ Петербургѣ. — «Атлеты» (гг. Варламовъ и Давыдовъ).

РУССКАЯ ОПЕРА ВЪ ОДЕССѢ.

Д-ръ Маццони.

лѣчащій папу.

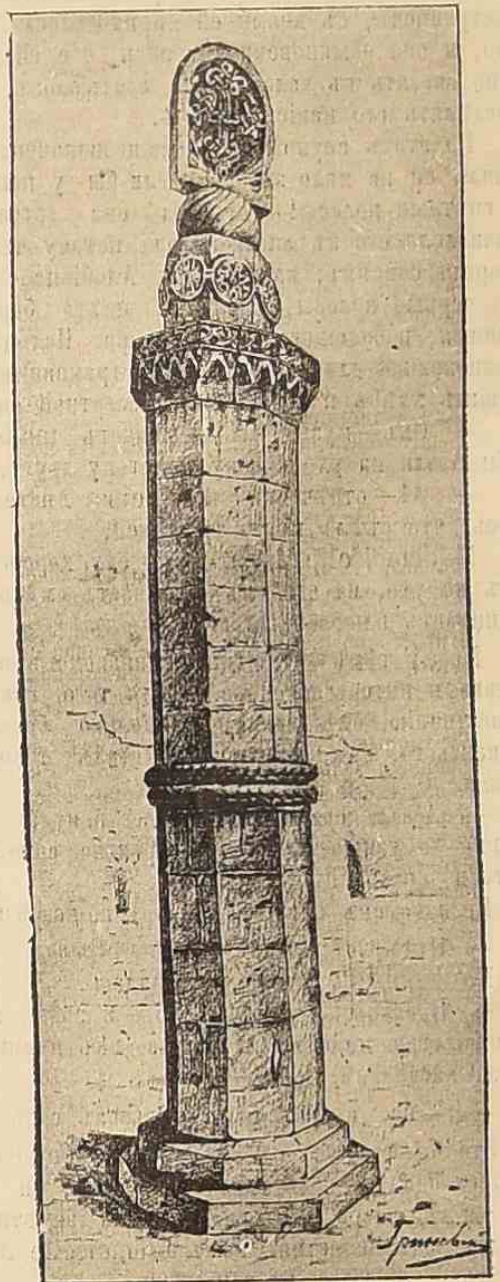
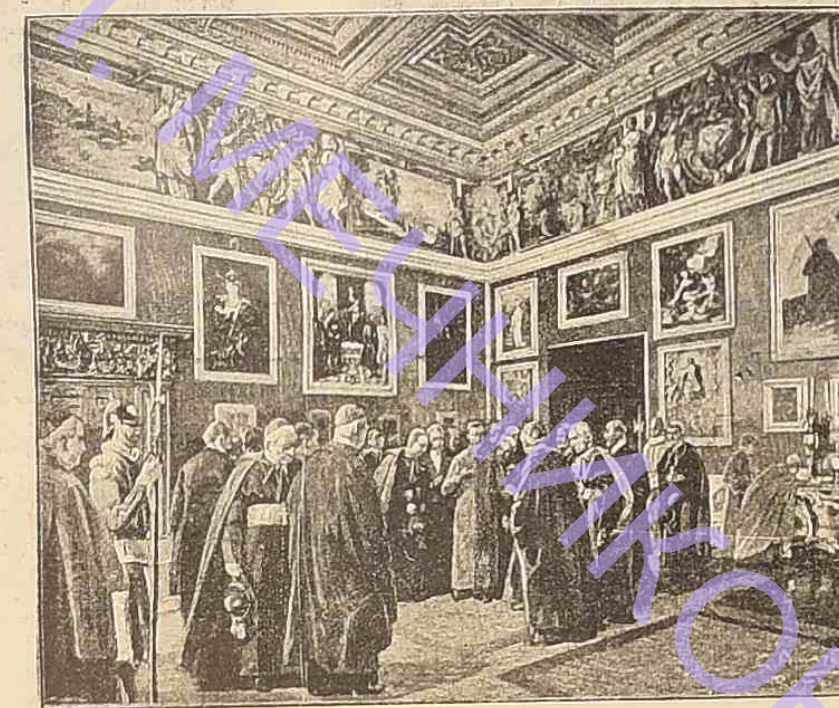

Д-ръ Латони,

БОЛѢЗНЬ ПАПЫ ЛЬВА XIII.

Вытѣшваніе бюллетеней о состояніи здоровья папы въ Ватиканѣ.

Начающаяся колонна въ Татіевскомъ монастырѣ.

Онъ владѣлъ всеми языками, даже нѣмецкимъ, и, какъ видно было по выраженію его лица, ему доставляло не мало удовольствіе крикнуть черезъ весь столъ: «Mein lieber Herr Doctor! wie geht's Ihnen?» Среди собравшихся гостей была юркій нѣмецъ, врачъ, съ огромной огненной бородой и особой улыбкой на устахъ, которая появилась у всѣхъ бывающихъ въ Парижѣ нѣмцевъ только послѣ седанской исторіи.

За шампанскимъ бесѣда оживилась; плавная и романная французская рѣчь смѣшалась испанской и португальской; дамы откидывались на спинки стульевъ и заливались смѣхомъ; всѣ уже достаточно были знакомы другъ съ другомъ, чтобы не стѣсняться. Остроты и шутки перелетали изъ устъ въ уста, проносилось надъ столомъ въ разныхъ направленіяхъ; одинъ только «lieber Doctor» совершенно серьезно спорилъ со своимъ сосѣдомъ, французскимъ журналистомъ съ красной ленточкой въ петлицѣ.

Былъ еще одинъ гость, не подавшійся общему веселью. Онъ сидѣлъ по правую руку mademoiselle Адель, — по лѣвую руку сидѣлъ ея новый любовникъ, толстый Анатоль, усѣвшій уже переполнить свой желудокъ трюфелями.

Въ теченіе обѣда mademoiselle Адель старалась вызвать жизнь въ своемъ сосѣдѣ съ правой стороны, пуская въ ходъ разныя невнятные уловки. Но онъ сохранялъ спокойствіе, отвѣчалъ учтиво, но коротко и тихо.

Сначала она думала, что онъ полякъ, одинъ изъ тѣхъ наводящихъ смертельную скуку поляковъ, но она скоро замѣтила, что ошиблась, и это раздосадовало mademoiselle Адель.

Дѣло въ томъ, что одной изъ ея многочисленныхъ специальностей было распознавать массу иностранцевъ, съ коими ей приходилось имѣть дѣло, и она обыкновенно клалась, что ей достаточно сказать съ человѣкомъ десять словъ, чтобы определить его національность.

Но этотъ скупой на слова незнакомецъ причислялъ ей не мало заботъ. Если бы у него были свѣтлые волосы! Тогда бы она тотчасъ же причислила его къ англичанамъ, потому что онъ говоритъ совсѣмъ, какъ сынъ Альбіона. Но у него черные волосы, такого же цвѣта борода и всякая, небольшого роста фигура. Пальцы необыкновенной длины, и у него страшная манера крошить хлѣбъ и играть съ десертной виной.

— Онъ — музыкантъ, — шепчетъ mademoiselle Адель на ухо своему толстому другу.

— А! — отвѣчаетъ monsieur Анатоль, — боюсь, что съѣлъ много трюфелей.

Mademoiselle Адель даетъ ему хорошій совѣтъ на ухо, на что онъ отвѣчаетъ смѣхомъ и принимаетъ влюбленный видъ.

Между тѣмъ загадочный незнакомецъ не переставалъ интересоваться ее. Послѣ того какъ по ея настоянію онъ выпилъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, онъ оживился и сталъ говорить больше.

— А! теперь знаю, — воскликнула она вдругъ, — я узнаю по вашему произношенію, вы все таки англичанинъ.

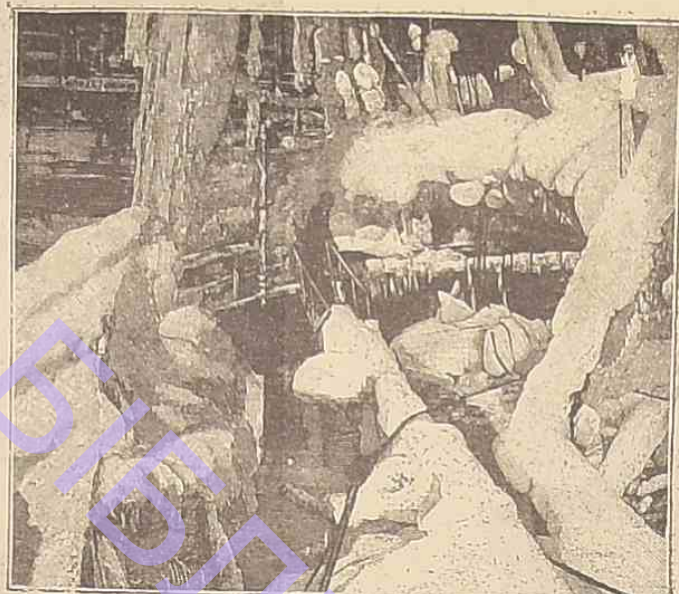
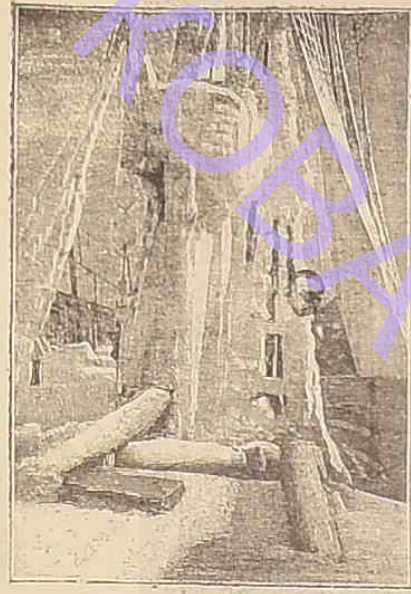
Незнакомецъ покраснѣлъ и рѣзко возразилъ: — Нѣтъ, сударыня!

Mademoiselle Адель разсмѣялась.

— Простите! — умоляла она, — я знаю, американцы страшно сердятся, когда ихъ принимаютъ за англичанъ.

— Я — не американецъ, — сказалъ сосѣдъ.

Это было уже слишкомъ. Mademoiselle Адель склонилась надъ своей тарелкой, и на лицѣ ея сказались раздраженіе. Она замѣтила, что сидѣвшая напротивъ нея mademoiselle Луизонъ очень довольна ея неудачами.

Пароходъ «Германикъ» по приходѣ въ Нью-Йоркъ.

Снѣжная буря въ Нью-Йоркѣ.

Незнакомецъ, очевидно, понялъ это и вполога прибавилъ:

— И, — ирландецъ, сударыня!

— Вотъ какъ! — отвѣтила mademoiselle Адель съ благодарной улыбкой; она легко простила обиду.

— Слушай, Анатоль, что такое ирландецъ? — спросила она тихо.

— Это англійскіе бѣдники, — отвѣтилъ онъ ей тѣмъ-же способомъ.

— Ага-ага! — Mademoiselle Адель подняла вверхъ брови и бросила недуганый взглядъ на своего сосѣда по правую руку: одной фразой онъ лишилъ себя ее сочувствія.

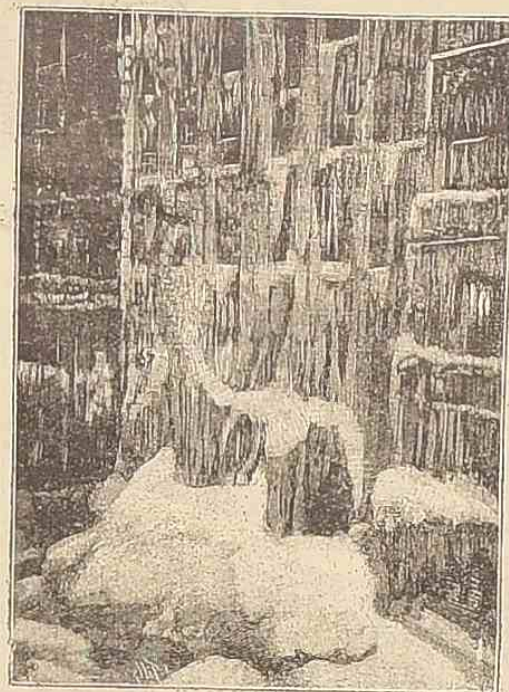
Обѣдъ былъ великодушенъ. За столомъ сидѣли долго, и когда monsieur Анатоль возвращался мысленно къ устрицамъ, которыми началось пршество, онъ казался ему прекраснымъ

виднѣемъ. Зато трюфели оставили послѣ себя тяжелое воспоминаніе.

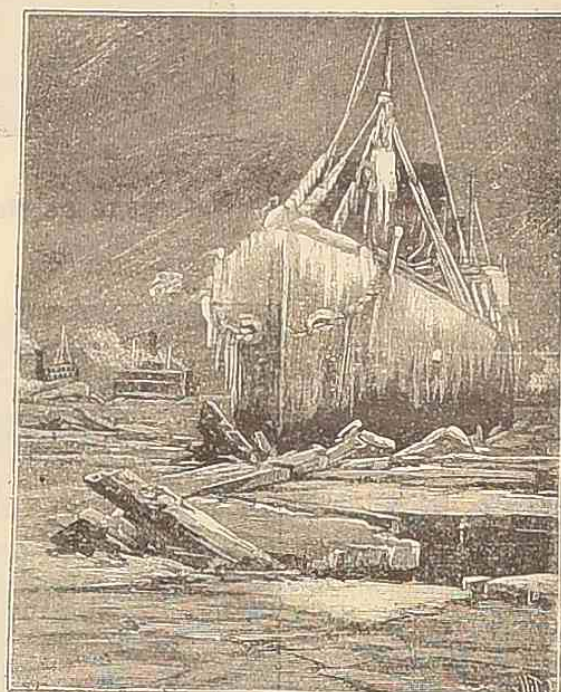
Обѣдъ, собственно говоря, уже кончился: только кое-гдѣ протягивалась рука за стаканомъ, рылась въ вазахъ съ фруктами или перебирала печеніе.

Чувствительная блондинка mademoiselle Луизонъ впадала въ глубокое раздумье объ опущенной въ бокалъ шампанскаго виноградинѣ. Маленькіе бѣлые пузырьки опутывали со всѣхъ сторонъ ягоду и, окруживъ ее какъ бы бѣлыми жемчужинами, подняли на поверхность закрывавшейся въ бокалѣ жидкости.

Тѣмъ временемъ журналистъ улучилъ моментъ и овладѣлъ общимъ вниманіемъ. Онъ радовался, что можетъ отдѣлаться отъ скучнаго нѣмца-доктора; а такъ какъ въ петлицѣ у него видѣлась красная ленточка, и говорилъ онъ

Обледенѣлый домъ.

Пароходъ «Этрюрия» сред. льдыми.

Снѣжная буря въ Нью-Йоркѣ.

убѣдительно, то все общество внимало его рѣчамъ.

Онъ говорилъ о томъ, что маленькія силы, будучи соединены, въ состояніи двигать большія тяжести; затѣмъ онъ перешелъ на злобу дня и рассказалъ о величественномъ конгрессѣ представителей прессы по поводу наводненій въ Испаніи и голодовокъ въ Парижѣ.

Ему было о чемъ поразсказать, и сжесточенно онъ говорилъ «мы», желая сказать печаль, и съ жаромъ распространялся о милліонахъ, которые «мы» собрали съ такимъ трудомъ.

Но и другіе гости не остались въ долгу: у каждаго было, о чемъ повѣдать міру. И безчисленное количество маленькихъ благородныхъ поступковъ вышло на свѣтъ Божій; всѣ они носили одинъ и тотъ-же отпечатокъ самопожертвованія.

Самая вѣрная подруга mademoiselle Луизонъ, сидѣвшая на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, въ концѣ стола, несмотря на протесты Луизонъ, разсказала про нее, какъ она поселила у себя на квартирѣ трехъ бѣдныхъ портнихъ и какъ онѣ работали цѣлыя ночи напролетъ, чтобы приготовить ей новый туалетъ для свачекъ. И за это бѣдныя дѣвушки получали кофе и пирожное, не говоря, конечно, о жалованьи.

Mademoiselle Луизонъ сразу привлекла къ себѣ всеобщее сочувствіе, и журналистъ сталъ оказывать ей необыкновенное вниманіе.

Благородныя черты ея характера привели все общество въ спокойное, довольное и мягкое настроеніе, что отличало гармонировало съ чувствованіями послѣ снѣжнаго обѣда усталостью.

И это пріятное настроеніе повысилось еще на нѣсколько градусовъ, когда всѣ расположились на мягкихъ креслахъ въ маленькой прохладной гостиной.

Гостиня освѣщалась только свѣтомъ, падавшимъ отъ топившагося камина.

Красныя полосы стлались по англійскому коврау на полу, достигая золотыхъ бордюровъ обоевъ. Памя отражалась въ золотыхъ рамкахъ картинъ, близко придвинутыхъ къ камину роялѣ тутъ и тамъ оно падало на че-нибудь лицо, которое въ такихъ случаяхъ странно выдвигалось среди общего мрака. Больше ничего не было видно, только красныя пятна отъ сигаръ и сигаретокъ.

Бесѣда стала затихать, лишь кое-гдѣ слышался шепотъ, шумъ отодвигаемой чашки кофе.

Каждому, казалось, хотѣлось предаться на покой процессу пищеваренія и вызванному разсказомъ о добродѣтеляхъ m-lle Луизонъ ощущенію довольства. Даже m-lr Анатоль забылъ про свои трюфели, раставившись на низенькомъ стулѣ, стоявшемъ около софы, на которой помѣщалась m-lle Адель.

— Можетъ быть, кто-нибудь сыгралъ бы намъ, господа! — обратился къ гостямъ сеньоръ де-Сельвьесъ. — Вы всегда такъ любезны m-lle Адель.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — отозвалась она. — Я слишкомъ сыта! — и она расположилась на софѣ, подогнула подъ себя маленькія ножки и скрестила руки на груди.

Но незнакомецъ-ирландецъ вышелъ изъ своего угла и направился къ роялю:

— А? — вы хотите играть! — очень вамъ благодаренъ — г... гмъ... господинъ... Сеньеръ де-Сельвьесъ забылъ фамилію, что часто съ нимъ случалось.

— Видишь! онъ — музыкантъ! — замѣтила m-lle Адель своему другу. Анатоль изобразилъ на своемъ лицѣ удивленіе.

Самая манера ирландца, какъ онъ съѣлъ за

рояль и сталъ брать аккорды — здѣсь и тамъ, какъ-бы пробуждая инструментъ со сна, заставляла общество насторожить слухъ.

Затѣмъ онъ началъ играть, шутя, легко, фриольно — смотря по настроенію.

Модная мелодія перелеталась со звуками вальса и пѣсенъ; — всѣ мелочи, повнованія Парижъ въ теченіе послѣдней недѣли, всплыли наружу въ его талантливой плавной импровизаціи.

Дамы громко высказывали свое удивленіе, порой подивлялись и пристукивали ножками. Всѣ присутствующія прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ; музыкантъ уловилъ ихъ настроеніе и увлекъ своей игрой. Одинъ «der liebe Herr Doctor» прислушивался со своей седанской улыбкой: игра была слишкомъ легка для него!

Но вотъ и ему что то пришлось по вкусу, онъ явному одобрилъ головой.

Прозвучало что-то изъ Шопена и какъ-то странно отозвалось на общемъ настроеніи.

А докторъ радовался все больше и больше. Отъ времени до времени онъ обращивался къ де-Сильвьесу и дѣлалъ ему знаки, когда проскальзывали отрывки изъ «нашего Шумана», «нашего Бетховена» или «нашего старика Рихарда».

Незнакомецъ продолжалъ играть равномерно, безъ напряженія, наклоняясь немного налѣво, когда приходилось брать дальне дасы. Онъ такъ сильно ударилъ по клавишамъ, какъ будто у него было двадцать пальцевъ, и всѣ изъ стали — ему удавалось такъ сочетать тоны, что, казалось, будто рояль издаетъ одинъ могучій, стройный звукъ. Не останавливаясь, не обозначая переходовъ, онъ затрагивалъ все новыя мелодіи, слывая ихъ такъ искусно одну съ другою, что самый не музыкальный человѣкъ не могъ бы сторваться отъ его игры.

Но совершенно незамѣтно характеръ игры перемѣнился. Виртуозъ забиралъ все дальше влево, — все сильнѣе и сильнѣе наклонялся налѣво, и дасы зазвучали какимъ-то страннымъ безпокойствомъ; тяжелыя нагали выступили аябнотности изъ «Юанна Лейденскаго, во весь опоръ промчался, вырвавшись откуда-то снизу, всадникъ изъ «Damnation de Faust».

Внизу, въ глубинѣ, гулъ усиливался, переходилъ въ неумолчный грохотъ, слышавшійся все истиннѣе, и m-lr Анатоль опять почувствовалъ, что съѣлъ слишкомъ много трюфелей, m-lle Адель поднялась на цоповину, — музыка не давала ей лежать покойно.

Тамъ и сямъ пламя камина освѣщало пару черныхъ глазъ, неподвижно устремленныхъ на музыканта. Онъ околдовалъ ихъ, — они не могли оторваться отъ него; все глубже забирался онъ, глубже, въ самый низъ, откуда долетали сдвоенныя, глухія жалобы и угрозы.

— Онъ прекрасно владѣть лѣвой рукой, — сказалъ докторъ.

Но де-Сильвьесъ не слышалъ его, подобно другимъ, и видялъ игру, притановъ дыханіе.

Мрачными, удручающими чувствомъ страха повисло на присутствующихъ отъ музыки.

Виртуозъ, казалось, смаялъ лѣвую руку въ кулакъ, который никогда не разомкнетъ, въ то время какъ правая проворно извлекала на дискъ ить отдѣльные звуки, быстро сдѣлавшіе одинъ за другимъ, какъ огненные языки на загорѣвшемся пламени. Получалось такое ощущеніе, будто тамъ, внизу, въ подвалѣ тайнѣмъ подготавливалось нѣчто ужасное, тогда какъ здѣсь, наверху, ярко горѣли свѣчи, плавали, смѣшались, веселые шло горой.

Посылалися чей-то вздохъ, тихій крикъ одной изъ дамъ, упавшей въ обморокъ, но никто не обратилъ на это вниманія. Музыкантъ забрался теперь весь въ басы и обрабатывалъ ихъ

обѣими руками; стальныя пальцы его добывали такой вихрь звуковъ, что холодная дрожь пробѣгала по спинѣ у слушателей.

Но угрожающіе, глухіе звуки опять послышались гдѣ-то внизу и стали испывать наверхъ. Звуки гнались одинъ за другимъ, обгоняли, обѣгали другъ друга, взбираясь все выше, выше, выше. Завязалась отчаянная борьба ить-за мѣста; казалось, маленькіе черныя существа боролись и дрались: — бѣшеная ревность, лихорадочная поспѣшность, карабканье, ползанье, скрежетъ зубовъ, сильныя удары ногой — кого-то отбросили внизъ, проклятія, крики, мольбы, — а руки скользили по клавишамъ медленю, такъ мучительно медленю.

— Анатолю, — шептала помертвѣвшая отъ испуга m-lle Адель, — онъ впряетъ про бѣдноты!

— Ахъ, эти трюфели, — стоналъ Анатоль, корчась отъ боли.

Вдругъ въ гостиной стало свѣтло, изъ-за портьеръ вошло двое лакеевъ съ лампадами и канделябрами; и въ то же самое мгновеніе незнакомецъ пересталъ играть, вызвавъ могущій ударомъ по клавишамъ такой невозможной, рѣзкій диссонансъ, что всѣ привскочили на своихъ мѣстахъ.

— Долой лампы! — закричалъ де-Сильвьесъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — спорила m-lle Адель, — пожалуйста, дайте свѣтъ, я боюсь въ темнотѣ, У! — ужасный человекъ!

— Кто онъ? Да — кто онъ? — Неволю въ столпился вокругъ хозяина, и никто не замѣтилъ, какъ незнакомецъ ускользнулъ изъ комнаты. Де-Сильвьесъ попробовалъ сосрнуть.

— Я думаю, самъ сатана. Ну-съ, ѣдемъ въ оперу.

— Въ оперу! на за что на свѣтъ, — заспорилъ Луизонъ: — и цѣлыхъ двѣ недѣли теперь не хочу слушать музыки. И еще эта давка при входѣ!

— О! мой трюфель! — стоналъ Анатоль.

Общество разсыпалось. Сразу всѣ они почувствовали, что чужіе другъ другу, находятся въ чужомъ домѣ, и у каждаго явилось желаніе убраться къ себѣ домой и остаться одному.

Провожая къ экипажу m-lle Луизонъ, журналистъ замѣтилъ: свѣтъ намъ развѣтлалъ того, что позволено уговорить себя побывать у зтнѣхъ поду-дикарей; никогда не знаешь, кого тамъ встрѣтишь. »

— Да, онъ мнѣ испортилъ все мое настроеніе, — жалобно проговорила Луизонъ и бросила взглядъ на своего кавалера: — хотнте похвѣть со мной въ Тройцѣ? Въ полночь тамъ служатъ тихую мессу.

Журналистъ отвѣсилъ поклонъ и съѣлъ радомъ съ ней въ экипажѣ.

Когда же m-lle Адель пробѣжала съ m-lr Анатолемъ мимо англійской аптеки на углу улицы Мира, Анатолю велѣвъ кучеру остановиться и обратился къ своей спутницѣ просящимъ голосомъ:

— Мнѣ, думаю, лучше сойти и принять что-нибудь противъ моихъ трюфелей. Ты вѣдь не разсердилась? — видишь ли... музыка...

— Не стѣняйся малый мой! откровенно говори, ничто изъ насъ особенно хорошо не настроено. И такъ, доброй ночи! До свиданія — завтра! Она откинулась на подушку; оставшись одна, она почувствовала себя лучше. Легкомысленное созданіе заливалось слезами, какъ будто ее отстегали! Она велѣла ѣхать домой.

Анатолю, конечно, сильно страдалъ отъ трюфелей, но и ему стало лучше, когда коляска покатила впередъ по мостовой.

Съ самаго начала знакомства они еще ни

разу не разставались так дружелюбно, какъ въ эту минуту.

Но кто вышелъ сухимъ изъ воды, такъ это «der liebe Herr Doctor»; какъ пѣмецъ, онъ уже искусился въ музыкѣ.

Но и онъ все-таки рѣшилъ сдѣлать крюкъ, чтобы зайти въ пивную Мюллера на улицѣ Ришелье и купить тамъ ветчины.

Костюмъ «Коммерческое собраніе», премированный на балу художниковъ.

Китайская труппа гимнастовъ и жонглеровъ, выступающая въ Новомъ театрѣ.

Снѣжная буря въ Нью-Йоркѣ.

Въ то время какъ въ Европѣ почти все время стояла необыкновенно мягкая зима, въ Соединенныхъ Штатахъ пронеслась рѣзкая снѣжная буря, вызвавшая необычайную для Штатовъ стужу. Въ теченіе четырехъ дней, съ 11 по 14 февраля, въ Нью-Йоркѣ снѣгъ образовалъ массу вышиною въ 3,9 метра. Температура упала до

23 градусовъ ниже нуля. Наконецъ, скорость движенія воздуха достигла 98 километровъ въ часъ. Легко можно себѣ представить, какія послѣдствія могло имѣть подобное атмосферическое явленіе. Жизнь совершенно застыла на эти четыре дня.

ПАЛЕСТИНСКОЕ ВИНО И КОНЬЯКЪ ТОВАРИЩЕСТВА КАРМЕЛЪ

Главный складъ: Ришельевская и Б-Арнаутская ул. д. Барбаша.

Редакторъ издатель А.П. Старковъ.

Доволено цензурою, Одесса, 6-го марта 1899 года.
Типографія «Одесскихъ Новостей», Екатерининская ул., д. Вубы.

Редакторъ Е. В. Васьковскій.